

1917: РЕВОЛЮЦИЯ И СОЦИУМ

УДК 930:79

doi 10.17072/2219-3111-2022-1-105-111

Ссылка для цитирования: Гордеев П. Н. «Ложа Учредительного собрания»: «хозяин земли русской» и бывшие императорские театры // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 1(56). С. 105–111.

«ЛОЖА УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ»: «ХОЗЯИН ЗЕМЛИ РУССКОЙ» И БЫВШИЕ ИМПЕРАТОРСКИЕ ТЕАТРЫ

П. Н. Гордеев

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия, Санкт-Петербург, набережная р. Мойки, 48

petergordeev@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2842-4297

ResearcherID: AAA-7298-2019

Scopus Author: 57190089160

В статье, написанной на основе материалов документов из шести архивов и музеев, а также периодической печати, раскрывается отношение артистов и служащих бывших императорских (после падения монархии – государственных) театров к Учредительному собранию. Между Февралем и Октябрем 1917 г. Учредительное собрание рассматривалось в государственных театрах как единственно полномочный орган для проведения «окончательной» и радикальной театральной реформы. После прихода к власти большевиков и вплоть до января 1918 г. «хозяин земли русской» стал символом грядущего освобождения от большевиков, власть которых казенная сцена в это время официально не признавала. Лояльность Учредительному собранию не раз подчеркивалась и артистами, и театральным руководством: в первоначально предполагавшийся день его созыва, 28 ноября 1917 г., в петроградском Михайловском театре было устроено торжественное представление, месяцем позднее в Маринском театре правительственные ложи объявили ложами Учредительного собрания. Главноуполномоченный по государственным театрам Ф. Д. Батюшков, от которого нарком А. В. Луначарский требовал в декабре 1917 г. подчинения, также ссылался на Учредительное собрание как на единственную «законную» власть. В начале января 1918 г. большевики провели силовую операцию по установлению контроля над казенной сценой и отстранению ее прежнего руководства. Совпав по времени с разгоном Учредительного собрания, эти события нанесли мощный удар по «саботажникам» в театральном ведомстве, лишив их, после ликвидации «хозяина земли русской», надежды на мирное избавление от ленинского правительства.

Ключевые слова: Учредительное собрание, Российская революция 1917 года, Октябрьская революция, императорские театры, государственные театры.

После Февральской революции в бывших императорских театрах, переименованных в государственные, Учредительное собрание рассматривалось как орган, которому будет принадлежать право окончательного переустройства театральной жизни на новых началах. Участники совещания театральных деятелей, собравшиеся (по призыву комиссара Временного правительства над бывшим Министерством двора Ф. А. Головина) 30 марта 1917 г. в Зимнем дворце, обсуждали организацию управления казенной сценой «в переходное время до решения Учредительного Собрания». Ранее, 24 марта, комиссар московских государственных театров, известный артист А. И. Сумбатов-Южин писал директору театров В. А. Теляковскому: «Твердо укрепилось сознание, что до решения Учредительного Собрания не может измениться и строй театра в правовом отношении». Сменивший Теляковского на посту руководителя казенной сцены Ф. Д. Батюшков (назначенный главноуполномоченным по государственным театрам) 6 октября в речи перед общим собранием актеров Александринского театра подчеркнул, что все вырабатываемые сейчас артистами и администрацией «Положения, Правила, инструкции» носят

«лишь временный характер», а постоянная «конституция государственных театров» может быть принята только после созыва Учредительного собрания [Гордеев, 2019, с. 248, 372, 457]. С этим были в общем согласны и артисты: протестуя против действий Ф. А. Головина и самого Батюшкова, покушавшихся, по их мнению, на театральную «автономию», общее собрание артистов Большого театра вынесло 29 апреля резолюцию, в которой подчеркивалось, что «право решения вопроса о будущем бытии Государственных театров принадлежит Учредительному Собранию» (РГАЛИ. Ф. 864. Оп. 1. Д. 1026. Л. 3 об.).

После прихода к власти большевиков восприятие Учредительного собрания на казенной сцене, отказывавшейся признавать правительство Ленина, изменилось. Из долженствовавшего собраться в далеком будущем «хозяина земли русской» Учредительное собрание превратилось в боевой лозунг, оправдывавший неподчинение Совету народных комиссаров, и в политический символ, на котором концентрировались надежды антибольшевистских сил, в том числе и в театральном ведомстве. В период между Октябрьской революцией и выборами в Учредительное собрание основной задачей для сторонников последнего стала агитация за участие в выборах, во что казенная сцена также внесла свою лепту. 5 ноября артисты петроградских государственных театров во главе с Ф. Д. Батюшковым объявили трехдневную забастовку в знак протеста против кровавых событий в Москве, подчеркнув, что они признают «единственной правомочной властью, действующей в настоящее время в Петрограде, власть законно-выбранного городского головы», и предложив ему «приобщить наши силы к совместной работе по спасению города и населения от окончательной гибели, использовав наше коллективное участие по усмотрению Городской Думы и Комитета Спасения Родины и революции» (РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5129. Л. 7). Эта часть резолюция, предложенная артистом Г. Г. Ге, заставила прессу гадать, «каким образом городское управление может использовать артистов», которые «не могут служить ничему и никому, кроме искусства» (Как город..., 1917, с. 4).

Скоро был получен ответ: городской голова Г. И. Шрейдер обратился к артистам с просьбой агитировать зрителей принять участие в голосовании 12–14 ноября: «Обращайтесь к населению с подмостков театров и кинематографов с призывом явиться на выборы и выполнить свой гражданский долг» (Призыв городского головы..., 1917, с. 5). Государственные театры по мере сил откликнулись на призыв Шрейдера. В частности, во время отмечания в Мариинском театре годовщины со дня смерти дирижера Э. Ф. Направника слово было предоставлено В. Д. Набокову, который «обратился к публике с убедительным призывом не запятнать нынешнее позорное безвременье еще новым позором – абсентеизмом на выборах в Учредительное Собрание» (Курдюмов, 1917, с. 5). Одновременно артисты московского Малого театра, собравшиеся после его разгрома в октябрьские дни на общее собрание 7 ноября, подчеркнули в резолюции, что лишь за Учредительным собранием они признают право утвердить еще не выработанный «статут» театра, а до тех пор намерены действовать «на началах полного самоуправления» (РГАЛИ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 114. Л. 115).

Эти настроения не изменились и после выборов. Выступая 20 ноября на общем собрании служащих канцелярий московских государственных театров и комментируя выдвинутое в декларации Объединенного комитета служащих государственных и общественных учреждений г. Москвы требование «безотлагательного созыва» Учредительного собрания, писец (и делегат театральные служащих в Объединенном комитете) В. А. Быковский говорил: «Конечно, господа, все мы этого жаждем, все мы наполнены одной мыслью: дай Боже, чтобы поскорее было созвано Учредительное Собрание, мы все ждем этого собрания и в глубине души верим во что-то хорошее, светлое, с Учр[едительным] Собр[анием] связаны грезы о спокойной работе, о спокойной жизни. Конечно, все мы всецело присоединимся к этим требованиям Декларации» (РГАЛИ. Ф. 648. Оп. 3. Д. 58. Л. 8 об.). Наконец, с Учредительным собранием связывали и надежды на нормализацию финансового положения театров, которое уже к концу ноября вследствие конфликта с большевиками характеризовалось «сильными материальными затруднениями» (III. Финансовый кризис..., 1917, с. 4). Бухгалтер Канцелярии уполномоченного по государственному московскому Малому театру А. К. Сайков писал 28 ноября из Петрограда А. И. Сумбатову-Южину (в то время – уполномоченному по Малому театру) о своем разговоре с временно исполнявшим обязанности комиссара над бывшим Министерством двора Н. Э. Рюдманом. Сайков хотел добиться ассигнований для московских театров, но полученные

сведения были не особенно утешительными: «На предложенный мною г. Рюдман вопрос, имеется ли вообще достаточная сумма в Государственном банке или еще где либо хотя [бы] до 1 Января 1918 года – ответил, что нет, имеется у Министерства два миллиона а необходимо четыре; недостающая сумма должна быть отпущена Министерству Государственным Казначейством, а это может быть только в том случае, если соберется Учредительное Собрание и будет Законная Власть в России» (РГАЛИ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 1810. Л. 2).

В театрах готовились достойно встретить открытие Учредительного собрания, первоначально запланированное на 28 ноября, которое в театральной печати уже успели сравнить с «восходом солнца» (Когда восходит солнце, 1917, с. 6). За день до этого, 27 числа, писательница С. И. Смирнова-Сазонова, мать актрисы Александринского театра Л. Н. Шуваловой, зафиксировала в дневнике: «В Михайлов[ском] театре стряпают назавтра какое-то даровое народн[ое] представление по случаю открытия Учредит[ельного] Собрания. Разогнан[ная] город[ская] дума предлагает почтить эт[от] день, Тата [актриса Н. В. Ростова – П. Г.] и Ге собирают актеров, хлопочут, но собрать еще никого не могут. <...> дума приглашает завтра вывешивать красн[ые] и белые флаги, украшать подъезды коврами, иллюминировать дома, а вечерн[ие] газеты сообщают, что Учредит[ельное] Собрание отложено до 30-го, оно завтра не откроется». Тогда же старшая кассирша государственных театров Е. А. Солини, жившая в доме Смирновой-Сазоновой, «приходила к нам звонить по телефону в театр сказать, чт[обы] готовили скорее комплекты билетов для завтрашн[его] спектакля. Никто ничего не знает, полицеймейстер не извещен, капельдинеры тоже. Она боится, что публика приедет, а билетов не будет, показать ей места некому. Поздно спохватились. Точно Учред[ительное] Собрание свалилось на голову неожиданно, не успели ему встречи приготовить» (РО ИРЛИ. Ф. 285. № 67. Л. 62–64).

Автор дневника была не совсем справедлива: 28 ноября в Петрограде была, пусть и наспех, подготовлена торжественная программа. В Мариинском театре она носила в большей степени характер импровизации: шел «Князь Игорь», перед третьим действием «публика требовала исполнения революционного гимна. Оркестр исполнил Марсельезу, которую все слушали стоя. По окончании Марсельезы раздались возгласы: “Да здравствует Учредительное Собрание!”». Затем по указанию управляющего оперной труппой этого театра А. И. Зилоти был поднят занавес, и «один из публики, находясь на ложе, произнес горячую речь, посвященную первому дню Верховного Хозяина Русской Земли. Речь оратора была покрыта шумными аплодисментами и возгласами: “Да здравствует Учредительное Собрание” и “Вся власть Учредительному Собранию”»; в то же время Художественно-репертуарный комитет оперной труппы постановил послать всероссийскому парламенту «приветственную телеграмму». Более тщательно подготовились драматические актеры; центром торжеств стал Михайловский театр, который использовался как вторая сцена артистами Александринского театра. В прессе было дано подробное описание: «В Михайловском театре, по просьбе городского общественного управления, в день открытия Учредительного Собрания, были устроены две серии народных концертов. Билеты выдавались бесплатно. Присутствовали учащиеся городских школ, раненые солдаты, рабочие и др. Театр был переполнен. Национальный праздник открылся апофеозом. Артисты Александринского театра, в костюмах всех населяющих Россию народностей, устроили на сцене шествие. Задняя часть сцены изображала Кремль. После шествия выступил с речью артист Александринского театра Г. Г. Ге – о значении Учредительного Собрания. Речь эта была покрыта торжественными музыкальными номерами, которые исполнял Государственный оркестр под управлением С. Кусевицкого» (В театрах, 1917, с. 3). С. И. Смирнова-Сазонова, впрочем, оценила представление (со слов дочери, Л. Н. Шуваловой) скептически: «В Михайлов[ском] театре даров[ое] представление для приглашенных, что-то в роде балагана Лейферта, даже два дневн[ых] представления, одно за другим. Люба поехала было, но когда ей предложили выйти на выход вместе с гимназистками, она отказалась. Все это жалко, мизерно, недостойно госуд[арственных] театров. Нарядят гимназистов в рус[ские] костюмы, прибавят двух-трех актрис и выпустят приветствовать Учред[ительное] Собрание» (РО ИРЛИ. Ф. 285. № 67. Л. 65).

После 28 ноября судьба Учредительного собрания представлялась все более неопределенной, при этом оно оставалось единственной альтернативой большевистской власти, будучи в этом отношении незаменимой для театрального руководства и поддерживавших его артистов. Когда в декабре 1917 г. разгорелся публичный конфликт Ф. Д. Батюшкова с А. В. Луначарским,

требовавшим сначала «признания» его власти как народного комиссара, а затем увольнения Батюшкова, последний в неопубликованном послании Луначарскому (написанном около 12–14 декабря) писал: «Откровенность – за откровенность: Вы действуете последовательно, отстраняя меня от должности, но и я последователен, не признавая в Вас представителя законной власти. Таковой будет лишь власть, которую установит учредительное собрание, а до того – эмблемой преемственности власти являются заключенные Вашей партией в Петропавловской крепости – честные, идейные служители народа: Карташев, Бернацкий, Терещенко и проч. и проч., которым даже не было предъявлено обвинения» (РО ИРЛИ. № 15632. Л. 5). В дальнейшем Батюшков продолжал в переписке с Луначарским указывать на то, что народный комиссар занимается «узурпацией прав Учредительного собрания». В конце декабря, уступая давлению и соглашаясь «сдать должность» назначенному Луначарским лицу, Батюшков уточнял: «Сложить полномочия я могу только перед властью, узаконенной Учредительным собранием» (Первые мероприятия..., 1959, с. 58, 60).

В артистических кругах отношение к Учредительному собранию в декабре 1917 г. начало постепенно расслаиваться. В труппе Александринского театра, достаточно сплоченной в противостоянии большевикам, «хозяин земли русской» по-прежнему оставался непререкаемым авторитетом. Выступая 16 декабря 1917 г. на общем собрании актеров, управляющий труппой Александринского театра Е. П. Карпов заметил: «Мы должны подчиниться законной власти. Если Учред[ительное] Собр[ание] утвердит Луначарского, мы подчинимся ему» (ГЦТМ. Ф. 486. № 1899. Л. 3 об.). В Мариинском театре сформировалась значительная группа артистов, стоявших за соглашение с большевиками; выражая ее мнение, В. Э. Мейерхольд на собрании оперной труппы 11 декабря заявил, что «судьба театров не будет решаться в Учр[едительном] Собрании» (СПбГМТиМИ. Ф. 68. ГИК 23238/4. Л. 2 об.). И тем не менее именно в этом театре (вероятно, благодаря отчетливо антибольшевистской, «непримиримой позиции» (Бертенсон, 1957, с. 240) управляющего оперной труппой, знаменитого пианиста и дирижера А. И. Зилоти) Учредительному собранию оказывалось накануне его созыва особое внимание.

В конце декабря к одной из бывших царских лож, «принадлежавшей в последнее время Временному правительству» (теперь, соответственно, контроля над ней добивалась рабоче-крестьянская власть) артистами Мариинского театра был прибит плакат «Ложа Учредительного Собрания» (Двинский, 1917, с. 8), показывавший, какой орган труппа считает законным преемником уже не существовавшего кабинета А. Ф. Керенского. А. И. Зилоти отказался передать ключи от лож большевикам, что в тех условиях смотрелось со стороны новых правителей «провокационно» [Barber, 2002, p. 273]. 29 декабря возмущенный А. В. Луначарский писал Ф. Э. Дзержинскому: «Как выяснилось, управляющий Мариинским театром А. Зилотти [орфография источника сохранена. – П. Г.] ведет против нас все время самую злостную агитацию, результатом которой явилось неподчинение до сих пор Рабочей и Крестьянской власти Государственных театров. Вчера мне стало известно, что А. Зилотти передал ключи от правительственных лож представителям правых фракций Учредительного Собрания и что по соглашению с ними он имеет намерение сделать 5-го января Мариинский театр ареной демонстрации против Советской власти». Народный комиссар по просвещению, поручив своему помощнику Ю. Н. Флаксерману «потребовать от А. Зилотти ключи от правительственных лож и подписки о недопущении каких бы то ни было спектаклей под политическими лозунгами без моего специального разрешения. В случае отказа выполнить это мое распоряжение А. Зилотти подлежит немедленному аресту, на что я уполномочен Советом Комиссаров», просил председателя ВЧК «дать тов. Флаксерману для выполнения им означенного поручения наряд красногвардейцев человек в 20 под командой сметливого и расторопного человека» (ГАРФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 160. Л. 4–4 об.).

30 декабря Ю. Н. Флаксерман явился на квартиру А. И. Зилоти (жившего на набережной Крюкова канала, 14, в квартире 19) во главе отряда красногвардейцев и потребовал ключи от «бывшей царской ложи»; получив ответ «Вы можете взять их только силой», он арестовал музыканта и препроводил его на Гороховую, 2, в резиденцию ВЧК (Флаксерман, 1987, с. 98). В следственном деле Зилоти сохранился протокол допроса, произведенного еще на Крюковом канале. Большевиков интересовали не только ключи от ложи, о которых Зилоти говорил уклончиво («Ключей у меня не было, были в театре у курьеров, что могут удостоверить задержавшие

меня. Это сплошное недоразумение, что ключи находятся у меня. Если бы у меня были ключи, я, конечно, отдал бы, так как театр не моя личная собственность. <...> Вчера обратился ко мне полицеймейстер театра Столица с запросом, можно ли в правительственную ложу впустить членов Учр[едительного] Собр[ания], которые приходили справиться об этом, я сказал: раз представлено будет свидетельство, что это член Учр[едительного] Собр[ания], то, конечно, пустить», но и предполагавшийся спектакль в честь созыва собрания. Зилоти пояснил Флаксерману и его товарищам: «Что касается театрального представления по случаю открытия Учр[едительного] Собр[ания] 5 января в 2 ч. дня в Мариинском театре, то таковое было отменено уже 29-го декабря, так как срок открытия стал сомнительным. В сегодняшнем театральном репертуаре (который выйдет только завтра из-за недостатка электр[ического] тока) можно будет увидеть, что 5-го января абсолютно никакого спектакля в Мариинском театре не будет» (ГАРФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 160. Л. 5). Отпущенный в тот же день после допроса на Гороховой, произведенного лично Ф. Э. Дзержинским, Зилоти дал интервью прессе, в котором среди прочего еще раз остановился на судьбе пресловутого спектакля 5 января: «Этот спектакль устраивает совсем не он, Зилоти, а Всероссийский крестьянский союз. Однако представление это отложено ввиду отмены дня открытия Учредительного Собрания». При этом музыкант еще раз подчеркнул свою лояльность «хозяину земли русской»: «если Учредительное Собрание признает Совет Комиссаров, то и он не откажется признать власть сего Совета» (*Бинокль*, 1917, с. 4).

В начале января 1918 г. положение в государственных театрах кардинально изменилось. Большевики перешли в наступление, заняв 2 января 1918 г. здание Управления государственными театрами и отстранив Ф. Д. Батюшкова от работы [*Frame*, 2000, р. 161]. А. И. Зилоти, подавший в отставку, но принявший участие в организации забастовки хора Мариинского театра, был в ночь с 11 на 12 января арестован вторично и лишь 14 января вышел на свободу (Арест А. И. Зилоти, 1918, с. 4; Хроника, 1918, с. 4). Назначенный по инициативе Луначарского в государственные театры правительственным комиссаром В. В. Бакрылов (человек, по характеристике его патрона, «немного нажимистый и несколько самоуверенный» (*Луначарский*, 1968, с. 281)) привел театральное ведомство к покорности, не останавливаясь ни перед применением грубой силы, ни перед увольнением недовольных. В значительной степени «завоеванию» большевиками казенных театров способствовал разгон Учредительного собрания – теперь у тех, кто не сочувствовал ленинскому правительству, не оставалось более надежды на его скорое низложение.

Образ Учредительного собрания имел для артистов и администрации государственных театров большое значение на протяжении всего 1917 г. и начала 1918 г., хотя в отдельные периоды с ним связывались различные надежды и упования. На первом этапе, продолжавшемся от Февральской до Октябрьской революции, Учредительное собрание рассматривалось как единственно полномочный орган для проведения радикальной реформы театрального ведомства; при этом ссылки на его авторитет иной раз делались артистами с целью отстоять уже завоеванную «автономию» от «покушений» действовавшей администрации, а представителями последней – желая несколько охладить преобразовательный пыл артистов. На втором этапе (от падения Временного правительства до разгона Учредительного собрания) последнее превратилось в важнейший политический символ, став средоточием надежд всех тех, кто не принял власть большевиков (таковых среди артистов и чиновников государственных театров в рассматриваемое время было большинство). В этот период казенные театры по-разному подчеркивали свою лояльность «хозяину земли русской»: предоставляя сцену для агитации за выборы, устроив, в сотрудничестве с городской думой, торжественное представление 28 ноября, объявив правительственные ложи «ложами Учредительного собрания». В начале января 1918 г. силовая операция, проведенная Советским правительством с целью установления контроля над театральным ведомством, совпала по времени с разгоном Учредительного собрания, что нанесло мощный удар по сторонникам сопротивления большевикам в театральном ведомстве.

Список источников

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 160. Л. 1–5.
Государственный центральный театральный музей им. А.А. Бахрушина (ГЦТМ). Ф. 486. № 1899. Л. 1–4.

- Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 648. Оп. 3. Д. 58. Л. 1–30; Ф. 864. Оп. 1. Д. 1026. Л. 1–6; Ф. 878. Оп. 1. Д. 114. Л. 1–301; Д. 1810. Л. 1–18.
Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 497. Оп. 6. Д. 5129. Л. 1–10.
Рукописный отдел Института русской литературы РАН (РО ИРЛИ). Ф. 285. № 67. Л. 1–507; № 15632. Л. 1–19.
Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства (СПбГМТиМИ). Ф. 68. ГИК 23238/4. Л. 1–5 об.
Арест А.И. Зилоти // Наш век. 1918. 13 января.
Бертенсон С.Л. Вокруг искусства. Холливуд: б. и., 1957. 414 с.
Бинокль. Арест Ал. Ил. Зилоти // Новая Петроградская газета. 1917. 31 декабря.
В театрах // Наш век. 1917. 30 ноября.
Двинский. Эхо // Наши ведомости. 1917. 30 декабря.
Как город может использовать артистов? // Петроградская газета. 1917. 10 ноября.
Когда восходит солнце // Обозрение театров. 1917. 28 ноября.
Курдюмов Ю. Мариинский театр // Петроградский листок. 1917. 14 ноября.
Луначарский А.В. На советские рельсы // Луначарский А.В. Воспоминания и впечатления. М.: Советская Россия, 1968. С. 275–286.
Первые мероприятия Наркомпроса по управлению театрами (декабрь 1917 г.) // Исторический архив. 1959. № 1. С. 50–60.
Призыв городского головы к артистам // Петроградская газета. 1917. 11 ноября.
Флаксерман Ю.Н. В огне жизни и борьбы: воспоминания старого коммуниста. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1987. 254 с.
Хроника // Наш век. 1918. 16 января.
Ш. Финансовый кризис Государственных театров // Новости сезона. 1917. 28–29 ноября.

Библиографический список

- Гордеев П.Н.* Государственные театры России в 1917 году. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. 856 с.
Barber C. Lost in the Stars: The Forgotten Musical Life of Alexander Siloti. Lanham (Maryland); Oxford: Scarecrow Press, 2002. 429 p.
Frame M. The St. Petersburg Imperial Theaters: Stage and State in Revolutionary Russia, 1900–1920. Jefferson (North Carolina); London: McFarland & co, 2000. 214 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 22.07.2020

«THE BOX OF THE CONSTITUENT ASSEMBLY»: «THE MASTER OF THE RUSSIAN LAND» AND FORMER IMPERIAL THEATERS

P. N. Gordeev

Herzen State Pedagogical University of Russia, Moika emb., 48, 191186, St. Petersburg, Russia
petergordeev@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2842-4297
ResearcherID: AAA-7298-2019
Scopus Author: 57190089160

The image of the Constituent Assembly played in 1917 and early 1918 an important role in the life of theaters, which had the magnificent title “Imperial” before the fall of the monarchy. Between February and October 1917, both the artists and the administration of the State theaters considered the “master of the Russian land” as the only authorized institution for the “final” and radical theatrical reform. After the Bolsheviks came to power and until January 1918, the Constituent Assembly became a symbol of the coming liberation from the power of the Bolsheviks, whose power the State (former Imperial) theaters did not officially recognize at that time. Loyalty to the “master of the Russian land” was repeatedly emphasized by both artists and theater management: on the originally intended day of the Constituent Assembly’s convocation, November 28, a solemn performance was held at the Mikhailovsky theater in Petrograd; a month later, at the Mariinsky theater, government boxes were declared boxes of the Constituent Assembly (and not of the Council of People’s Commissars). In early January 1918, the Bolsheviks conducted a forceful operation to establish control over the State stage, which included the removal of the Chief Commissioner

for State theaters, Fyodor Batyushkov, from its management and the arrest of the Manager of the Opera company, Alexander Siloti. Coinciding with the dispersal of the Constituent Assembly, these events dealt a powerful blow to the “saboteurs” in the Theater department, depriving them, after the liquidation of the “master of the Russian land”, of the hope for a peaceful deliverance from the Leninist government.

Key words: Russian Constituent Assembly, Russian revolution of 1917, October revolution, Imperial theaters of Russia, State theaters of Russia.

References

Barber, C. (2002), *Lost in the stars: The forgotten musical life of Alexander Siloti*, Scarecrow press, Lanham (Maryland); Oxford, USA – UK, 429 p.

Frame, M. (2000), *The St. Petersburg imperial theaters: stage and state in revolutionary Russia, 1900–1920*, McFarland & co, Jefferson (North Carolina); London, USA – UK, 214 p.

Gordeev, P.N. (2019), *Gosudarstvennye teatry Rossii v 1917 godu* [The State theaters of Russia in 1917], Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, St. Petersburg, Russia, 856 p.